

ISSN 0869-6063

Номер 2

Апрель - Май - Июнь
2005

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.malk.ru>

“НАУКА”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2005

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство "Наука"

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2005

Междисциплинарные исследования Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН за последнее десятилетие <i>Деревянко А. П., Молодин В. И., Шуньков М. В.</i>	5
Керамика Аркаима: сравнительный анализ <i>Малютина Т. С., Зданович Г. Б.</i>	20
Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов <i>Обломский А. М.</i>	32
Таласские наскальные надписи <i>Кызласов И. Л.</i>	46
Роговой реликварий с территории Хазарского каганата (Уникальный сюжет с одноногими духами) <i>Флёрова В. Е., Флёров В. С.</i>	56
Средневековые амфоры VIII–XIV вв. (история изучения) <i>Чхаидзе В. Н.</i>	66
Кашинная керамика в Золотой Орде <i>Коваль В. Ю.</i>	75
О локализации монетного двора Орда-Базар (XV в.) <i>Пачкалов А. В.</i>	87

Дискуссии

К методике исследования палеолита: уроки Зарайска и Авдеево (По поводу одной рецензии) <i>Амирханов Х. А.</i>	93
Как историк и археолог превратились в буржуазных пропагандистов, или возможна ли компаративная история археологии Средней Азии? <i>Горшенина С., Рапэн К.</i>	102
Нужна ли истина С. Горшениной и К. Рапэну? <i>Кошеленко Г. А.</i>	110

Публикации

Комплексы V в. н.э. могильника “Гора Великанов” <i>Кулаков В. И., Тюрин Е. А.</i>	115
О происхождении средневекового каменного котла из Киева <i>Архипова Е. И.</i>	132
Уникальный шелк с “драконами” из могильника Джухта (Северный Кавказ) <i>Доде З. В.</i>	138
Цитадель золотоордынского города Шехр аль-Джедид (Старый Орхей, Молдова) <i>Постикэ Г. И.</i>	151

История науки

Основоположник археологии Туркменистана (К столетию со дня рождения А.А. Марущенко) <i>Пилипко В. Н.</i>	156

Национальная
библиотека
им Н.Г. Доможакова
Республики Хакасия

Критика и библиография

Дэвлет М.А. “Александр Васильевич Адрианов (К 150-летию со дня рождения)”. Кемерово, 2004 <i>Советова О. С.</i>	163
Самашев З., Мыльников В. “Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая. Материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел”. Алматы, 2004 <i>Худяков Ю. С.</i>	165
Масленников А.А. “Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма”. Тула, 2003 <i>Зубарь В. М.</i>	167
“Русь в XIII веке: древности темного времени” / Под ред. Н.А. Макарова, А.В. Чернецова. М., 2003 <i>Артемьев А. Р.</i>	172
Средневековое поселение Настасьино: труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. М., 2004 <i>Уткин А. В.</i>	175

Хроника

Открытое письмо	177
Две конференции, посвященные памяти Г.А. Федорова-Давыдова <i>Гусева Т. В., Руденко К. А., Старостин П. Н.</i>	178
К 75-летию И.С. Каменецкого <i>Гей А. Н., Гуляев В. И., Савченко Е. И.</i>	184
Памяти Владимира Васильевича Дворниченко <i>Зеленев Ю. А., Яблонский Л. Т.</i>	187
Список сокращений	191

Сдано в набор 11.01.2005 г.	Подписано к печати 14.03.2005 г.	Формат бумаги 60 × 88 ¹ / ₈		
Офсетная печать	Усл. печ. л. 24,0	Усл. кр.-отт. 22,8 тыс.	Уч.-изд. л. 25,5	Бум. л. 12,0
	Тираж 932 экз.	Зак. 159		

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

ТАЛАССКИЕ НАСКАЛЬНЫЕ НАДПИСИ

© 2005 г. И. Л. Кызласов

Институт археологии РАН, Москва

Завершение основной работы по палеографической систематизации степных рунических алфавитов Евразии (Кызласов И.Л., 1994) выдвинуло задачу цельного восприятия каждой из этих письменностей. Разрешение ее пока достижимо лишь в отношении трех расшифрованных азиатских систем: орхонской, енисейской и таласской. Возможность исследования подлинников превращает памятники енисейской письменности в первоочередное поле деятельности российской науки. При учете осуществленных и продолжающихся исследований енисейских эпитафий (Малов, 1952; Кормушин, 1997) мною проводится поиск и анализ енисейских наскальных надписей. Именно они открывают ранее неведомую науке обширную область былой духовной жизни (Кызласов И.Л., 1994. С. 180–207; 2001; 2003а).

Опыт, накопленный в этой во многом своеобразной сфере рунической эпиграфики, позволяет мне ныне дать сводку новых прочтений и истолкования 11 камнеписных текстов, выполненных таласским руническим письмом. Остальные памятники не могут быть поняты по изданным воспроизведениям. В целом же материалы научной печати позволяют без сомнений насчитывать всего 15 или 16 рунических надписей, высеченных на скалах и отдельных валунах горных склонов Кыргызстана. Пять–шесть из них найдены в горах, ограничивающих Таласскую долину, остальные – на юге Кочкорской долины, лежащей западнее Иссык-Куля.

Рассмотрение надписей начну с последних находок. Они составляют компактную смысловую группу и обнаруживают местные эпиграфические и мировоззренческие особенности, важные для понимания нескольких давно известных надписей. Кроме того, ошибочно прочитанные и неверно понятые, они уже используются для значимых исторических и историко-культурных построений.

1. Надписи Кочкорской долины

Письменные памятники здесь обнаружены и скопированы археологами К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым в 1998 и 2000 гг. Большинство надписей (девять разрозненных строк) открыто в местности Кок-Сай на скоплении валунов по склону хребта Укек и одна строка – в близлежащей местности Калмак-Таш.

Описания и хорошие прорисовки надписей были обнародованы открывателями, как в научно-популярной, так и в академической периодике (Табалдиев, Солтобаев, 1998; 2001; Tabaldiyev, Soltobaev, 2002). Под доступным мне изданиям¹ в истории обнаружения памятников возникает одна неясность. В 1998 г. авторы указали на открытие восьми надписей в урочище Кок-Сай, позднее к этому сезону ими было отнесено только шесть строк, находки еще двух лаконичных текстов – уже к 2000 г. (1998. С. 33; 2001. С. 69). В публикации 2002 г. (С. 49) названы всего 9 надписей, хотя помещены 10 рисунков².

Первый опыт прочтения и общего исторического истолкования семи надписей из Кок-Сая был трижды опубликован С.Г. Кляшторным (2001а; 2001б; 2002). Последнее по времени издание отличаются помещенные в нем фотоснимки надписей I, IV, V, дополняющие прорисовки (2002. Рис. 1, 4, 6).

Исследование камнеписных тянь-шанских текстов нельзя считать оконченным. Прежде всего, следует отвергнуть ошибочное и дать их точное прочтение.

Надпись Кок-Сай 1

Прочтение С.Г. Кляшторного (er atim adiy on oq... “Мое мужское имя Адыг (“Медведь”). Десять стрел...”) исходит из признания неполноты текста, обозначенного в транскрипции и переводе многоточием. К тому же оно основывается на неверном отождествлении одного из рунических знаков, повлекшем ошибочную разбивку на слова второй половины надписи. Судя по прорисовке (рис. 1, 1) и изданному фотоснимку, эта короткая строка сохранилась целиком и состояла не из 8, а из 9 знаков (последний не был на месте воспринят полностью).

Транскрипция: (e)ṛ (a)t(i)m s(i)ṽun(a)q {a}

Перевод: Моя имя мужа-эра – Сыгунак. (Боже, услышь меня).

Словосочетание er atim, как хорошо известно, обычно для енисейских и таласских эпитафий (см. Т 1, Т 2, Т 14). Надписи Кок-Сая впервые по-

¹ Благодарю Кубатбека Шакеевича Табалдиева за предоставленные оттиски публикаций 2001 и 2002 гг.

² Надпись Калмак-Таш не описана и не прочтена в работах предшественников. Однако она ясна: (e)ṛ (a)t(i)m b(i)lgā – “Моё имя мужа-эра – Бильге. (Боже, услышь меня)”. Выполненная не таласской письменностью и начертанная слева направо, она требует отдельного рассмотрения.

Рис. 1. Надписи и изображения урочища Кок-Сай. По К.Ш. Табалдиеву и О.А. Солтобаеву.

казывают, что оно применялось и в наскальных начертаниях таласского письма. В енисейских же наскальных надписях этот речевой оборот до сих пор не встречен ни разу. Переводить слово *eg*, обозначавшее в раннем средневековье не столько возраст, сколько социальный статус свободного

полноправного мужчины, по-видимому, вовсе не стоит (а если и делать это, то предпочтительнее, все же, более точный вариант В.В. Радлова и С.Е. Малова – “герой”, может быть, “витязь”).

Видеть в четвертом знаке надписи твердорядный *d'* ошибочно, поскольку две ломанных ли-

нии образуют не полную руну, а только ее верхнюю часть и завершаются они общим вертикальным стволом. Эта особенность буквы хорошо видна и в других надписях долины, содержащих то же самое мужское имя и выбитых одной рукой (см. рис. 1, 4, 5, 7). Поскольку наскальный текст нанесен знаками таласского алфавита (о чем свидетельствует характерный облик 5-й и 8-й рун: γ и q), то и соответствие четвертой букве строки следует отыскивать среди его знаков. Таков знак для s^1 , имеющий в таласском письме самобытный вид вертикального ствола с двумя симметричными верхними коленчатыми отводками (см. надписи на валунах из урочища Айртам-Ой). В нашем случае писавший лишь развернул налево правый отводок. Вероятно, эта индивидуальная почерковая особенность сложилась в курсивной сфере применения таласского письма и в полной мере отвечает начертаниям, устремленным справа налево.

Исходя из классической рунической орфографии, существует три формальных возможности прочтения личного имени, записанного рунами 4–8: $s(a)\gamma\eta n(a)q$, $s(i)\gamma\eta n(a)q$ или $s(o)\gamma\eta n(a)q$. Предпочтение зависит от понимания морфологии слова. Аффикс $-aq$ не может быть здесь отглагольным, поскольку искомой глагольной основы в известных текстах не зафиксировано. Полагаю, что это именно уменьшительный показатель. Исходя из того, отвергаю первый вариант прочтения – от слова $sa\gamma\eta n$, обозначавшего титул в карлукском обществе (ДТС, 1969. С. 481), как и от иных почетных званий, уменьшительные формы не образовывались. Слова $si\gamma\eta n$ и $so\gamma\eta n$, в равной мере означавшие оленя, марала-самца (ДТС, 1969. С. 503, 507; ЭСТЯ, 2003. С. 330, 331), вполне пригодны для образования личного имени с ласковым первоначальным значением “мараленок”. Форма $so\gamma\eta n$ встречена в прямом значении в третьей строке енисейской эпитафии Уйбат VI (E 98): ... $k\ddot{o}b\ddot{k}$ $b\ddot{o}r\ddot{i}$: $q(a)ra\ so\gamma\eta n$: $\ddot{o}l(\ddot{u})rt(i)m$ – “...сивого волка, черного марала я убил”. Однако в разбираемой тянь-шанской надписи пропуск губного гласного в первом слоге противоречил бы нормам правописания. Следовательно, наиболее приемлемым прочтением остается $si\gamma\eta n$.

Личные мужские имена, имеющие в буквальном смысле не звучные и гордые, а уменьшительные, можно сказать, ласковые значения, уже встречались среди наскальных рунических надписей. Они свидетельствуют о сохранении детских имен взрослыми мужчинами: $kul(u)n$ “жеребенок” (Мугур-Саргол I), $k(e)n\check{s}$ “детеныш” (Ялбак-Таш XVIII), $k(i)\check{s}$ “соболь” (Ялбак-Таш XXV) и т.д. (Кызласов И.Л., 1994. С. 194; 2003. С. 67, 69, 87, 100, 101). Заметим, что, как и в рассматриваемом здесь случае, такие имена лишены титулов.

Два штриха, отмеченные на прорисовке надписи левее восьмой руны, представляются мне ча-

стями завершающего знака a/\ddot{a} , не увиденного исследователями полностью. И хотя при рассмотрении фотографии (Кляшторный, 2002. Рис. 1) уверенность в этом убывает, предположение подкреплено серией иных наблюдений. В сходной позиции эта руна играет роль словоразделительной отметки в надписи VII, она также обозначает окончание текста во второй строке надписи IV и в надписи IX (в двух последних случаях при копировании знак вновь не был передан полностью) (рис. 1, 4, 7, 9).

Подобное применение этой буквы заслуживает особого внимания. Для известных таласских памятников оно вполне обычно (см. T 1–T 5, T 10). Уже при анализе надписи первого таласского валуна (T 1) стало ясно, что данный знак не имеет фонетического значения³ (Радлов, 1899. С. 86; Малов, 1929. С. 800, 803) (ср.: Мелиоранский, 1899. С. 272). Справедливое утверждение, что «буква “А” в текстах выступает в качестве знака, отделяющего слова» (Батманов, 1971. С. 10. Прим. 10), не в полной мере отражает ситуацию. Оно не учитывает применения руны как отметки окончания фразы, завершения строки или всего текста.

Обе функции этого знака встречаем как неприменный признак алтайского варианта енисейского письма, с IX–X вв. распространившегося на землях Горного Алтая и Северо-Западной Монголии. Особенно наглядно подобное применение руны a/\ddot{a} в кратких наскальных надписях (Кызласов И.Л., 2003а. С. 101)⁴. Надо отметить, что в алтайских текстах эта руна следует только за словами, завершающимися согласным звуком, т.е. сохраняет память о своем былом вокативном значении (ср.: Боргояков, 1960).

Не то находим в памятниках таласского письма. На валунах, судя по публикациям, обсуждаемый знак обыденно применяется также для отделения слов, завершающихся гласным звуком (негубным узким): $q(a)t(u)n\ddot{i}-\{a\}$ (T 1, стк. 2), $inil(e)ri-\{\ddot{a}\}$ (T 1, стк. 3), $(a)\ddot{t}\ddot{i}-\{a\}$ (?) (T 2, стк. 8), $tul\ddot{i}-\{a\}$ (T 3, стк. 4), $(e)\ddot{c}\ddot{i}-\{\ddot{a}\}$ (T 5, стк. 1), $o\gamma\ddot{i}\ddot{i}-\{a\}$ (T 5, стк. 2), $(a)\ddot{t}\ddot{i}-\{a\}$ (T 10, стк. 1, 4), $(a)tr\ddot{i}\ddot{s}\ddot{i}-\{a\}$ (T 10, стк. 2), $q(a)ld\ddot{i}-\{a\}$ (T 14, стк. 1), $qul\ddot{i}-\{a\}$ (T 14, стк. 2). Из этого следует, что таласские надписи отражают последний этап эволюции руны a/\ddot{a} в качестве разделительного знака и отметки окончания текста – в них буква потеряла всякую связь с некогда обозначавшимся ею звуком и, действительно, стала лишь знаком препинания.

³ В этом случае при транскрибировании надписей он помещается мною в фигурные скобки: $\{a\}$.

⁴ К этому кругу памятников примыкает единственная енисейская эпитафия из Бегире (E 11). Вопреки верной давней традиции, расцениваемой в ней букву a/\ddot{a} как знак препинания (Малов, 1952. С. 29, 33), ее иногда до сих пор ошибочно воспринимают как вокативную частицу (Кормушин, 1997. С. 270, 273).

Вполне очевидно, что эта стадияльная особенность текстов указывает на более позднее создание памятников таласской письменности в сравнении с надписями алтайского извода енисейского письма. Оставляя на время в стороне это наблюдение, как и обсуждение природы данного явления рунической письменной культуры Азии, нельзя не признать необходимость учитывать такое использование руны а/ä при чтении таласских надписей.

В целом надпись Кок-Сай I служит отметкой, нанесенной в подтверждение произведенного здесь Сыгунаком моления. Обоснованием такого понимания строки служит анализ всей совокупности камнеписных текстов этого горного склона, как и опыт прочтения прочих рунических наскальных надписей (Кызласов И.Л., 2001; 2003а).

Надпись Кок-Сай II

Она сохранилась хуже прочих, что вызвало сложности при копировании и, как следствие, отказ от прочтения. Однако, думается, при сравнении с другими надписями долины текст II может быть восстановлен. При взгляде на его воспроизведение (рис. 1, 2) ясно, что перед нами один из повторов наиболее распространенной в урочище Кок-Сай камнеписной формулы. На валуне, как и на других четырех (ср. рис. 1, 1, 4, 5, 7), выбита личная тамга, так же, как на двух других (рис. 1, 3, 10), и в той же манере изображен конь, ловчая птица и всадник (только спешившийся). Поэтому не удивительно встретить на нем и начертание того же личного имени. Стоит сравнить надпись I с остатками надписи II, чтобы заметить: первые три руны – это г² (уцелела левая часть вершины знака), t¹ (левая сторона “шалашика”; черта, на прориси уходящая налево – лишняя борозда) и m (целиком на месте). Последующие четыре буквы (s¹yun¹) не видны, а руна q сохранилась (на прориси у нее лишний штрих справа). Следующий знак – неточно воспринятая завершающая надпись отметка а/ä. Последующие борозды не имеют отношения к рунической надписи – они тоньше букв и, вероятно, остались от наскального рисунка (козлика?); сравним такие же изображения, расположенные перед и выше антропоморфной фигуры. В итоге, нахожу основания восстановить надпись, во всем подобную предыдущей.

Транскрипция: (e)g (a)t(i)m s(i)yun(a)q {a}

Перевод: Мое имя мужа-эра – [Сыгуна]к. (Боже, услышь меня).

Надпись Кок-Сай III

Представляет собою уже знакомую формулу [не из восьми, как пишут исследователи, а из девяти букв].

Транскрипция: (e)g (a)t(i)m s(i)yun(a)q {a}

Перевод: Мое имя мужа-эра – Сыгунак. (Боже, услышь меня).

При фиксации строки (рис. 1, 3) исследователи не рассмотрели левый верхний отводок четвертой руны s¹ и отводки завершающего знака а/ä. Исходя из иных случаев, на камне следует ожидать изображение личной тамги. Возможно, она размещалась левее надписи и не уцелела, как и часть изображения ловчей птицы. Взаиморасположение надписи и наскального рисунка позволяют думать, что фигура всадника была нанесена на валун ранее рунической строки.

Надпись Кок-Сай IV

Вопреки утверждениям публикаторов, не нижняя, а верхняя строка этой единственной двухстрочной надписи сохранилась и воспроизведена не полностью (рис. 1, 4). Начало первой строки прочитано верно: munda ilg(ä)gü. Далее про прорисовку нельзя предложить уверенного прочтения. Изданная фотография позволяет полагать, что заросший лишайником косой выкол поверхности уничтожил за десятым знаком вершины двух рун (возможно, ç и n²). Таким образом, слом строки, зафиксированный прорисовкой, по-видимому, мнимый. Основания трех заключительных рунических знаков (последний из которых, может быть, η²) размещены на общем уровне с предыдущими. Перевести начало верхней строки надписи возможно не только “Там впереди (т.е. на востоке)...” (как у С.Г. Кляшторного), но и “Отсюда вперед (~на восток)...”.

Вторая строка – четвертый случай написания в этом урочище личного мужского имени с указанием общественного статуса его владельца: (e)g (a)t(i)m s(i)yun(a)q {a} – “Мое имя мужа-эра – Сыгунак”.

Обе строки выполнены таласской письменностью (в верхней надписи примечателен вид первой руны m) и, вероятно, одной рукою: ср. облик знаков для г², u и n¹, а также общий размер, размещение и технику выбивки знаков (Кляшторный, 2002. Рис. 4). Без дополнительного исследования подлинника связать строки в единый по смыслу текст не удается.

Надпись Кок-Сай V

Этот письменный памятник читается уверенно, но понять его непросто. Исхожу из того, что он представляет собою лишь более распространенный вариант текста Кок-Сай VII (ср. рис. 1, 5, 7) и, несомненно, связан по смыслу с граффити VIII и IX. В строке легко опознается привычная уже формула: (e)g (a)t(i)m s(i)yun(a)q – “Мое имя мужа-эра – Сыгунак”. Четыре вертикальных реза, предшествующие ей на прорисовке, вероятно, не имеют отношения к руническим знакам⁵. Не случайно их размещение на камне не соответствует основной оси текста. Сама именная формула также

⁵ Из-за неровности камня фотография (Кляшторный, 2002. Рис. 6) не передает начала строки.

не требует вводных фраз (ср. надписи I–III, VII, не является исключением и памятник IV).

Четыре–пять букв, завершающие текст, точно транслитерированы С.Г. Кляшторным и находят полную аналогию в разбираемых далее надписях VIII и IX. Учтявая их, тюрколог оправданно предположил, что последние штрихи прорисовки воспроизводят часть знака z (ср. рис. 1, 8, 9). Изданная фотография зафиксировала нарушение поверхности, вероятно, повредившее нижнюю часть буквы. Полная ясность может быть внесена лишь исследованием оригинала надписи.

Как бы не разрешился вопрос с последним знаком текста (будем мы читать его как [(i)z] или обозначать как непроизносимое {a}), наиболее существенно понять огласовку основы самого слова. Читать здесь j(a)g(i)š(i)m, как это сделал С.Г. Кляшторный, и воспринимать это как название местности (“Мой (~наш) Ярыш”) нет никаких оснований. Мы уже видели, что в надписях Кочкорской долины отсутствует упоминание “десяти стрел” – неверно прочитанные руны на деле передают два последних слога мужского личного имени. Иной и синтаксис фразы: сочетание этих рун со словом j(e)g не составляет в ней определения и определяемого, т.е. в надписи нет упоминания “страны Десяти Стрел”, увязываемой историком с Тюркешским каганатом. Всякая связь с событиями и с топонимикой VIII в. порождена лишь серией ошибочных умозаключений интерпретатора.

Наиболее вероятно, что надпись V содержит две кратких фразы, первая из которых во всем понятна (знаки 1–8), а во второй слово jег (руны 9–10) само служит определением к последующему (см. надпись VII). Вторая часть надписи содержит лишь существительные и должна быть дополнена подразумевавшимся глаголом. В отсутствие прямого, словарного контекста для понимания лаконичной надписи остается лишь учесть контекст смысловой, ситуационный, историко-культурный. Результаты изучения наскальных надписей Саяно-Алтайского нагорья и Северо-Западной Монголии позволяют видеть в большинстве из них молитвенные записи, обращенные к божеству манихейской религии и направленные на сохранение или получение верующим благого состояния (Казласов И.Л., 2001; 2003а).

Отрицая для рун 11–13 (j¹r¹š¹) предложенное С.Г. Кляшторным прочтение J(a)g(i)š “Ярыш” (т.е. название степи, связанной с событиями VIII в.), из многих возможных вариантов иного озвучивания этих знаков выбираю j(a)g(a)š “приятность, красота” (ДТС, 1969. С. 240; Малов, 1951. С. 385: jara(-) в манихейском религиозном значении – “лучшее в человеке, праведность, чистота”. Это существительное, образованное от глагольной основы ja- “подходить, годиться”, относится скорее к внутренней, чем к внешней красоте че-

ловека (для обозначения последней в парное сочетание с jaḡāš входит существительное kōrk – “образ, изображение; облик”) (ДТС, 1969. С. 239, 240, 317).

Опорой предлагаемому пониманию надписи служат некоторые молитвенные наскальные строки енисейского письма Хакасии. Так, о даровании внутреннего совершенства просил автор краткого текста, высеченного на горе Крес хая (E 137): b(a)gm (i)č ur(u)η – “Вложите совершенную душу (буквально – нутро)”. Граффито сопровождается личным гербовым знаком писавшего (Кызласов И.Л., 1994. С. 188. Рис. 20; 2000). В надписи на скале Городовая стена (E 144) наступление в природе гармонии (названной персизмом abad – “благоустроенность”) увязывается с уничтожением греховного и служит причиной получения человеком земных и духовных благ (Кызласов И.Л., 1994. Рис. 25; 2001. С. 249). В единственном дошедшем до нас полном манихейском трактате “Кефалай” внутренней красоте (как символу чистоты и праведности верующего) посвящена отдельная 83 глава “О человеке, безобразном телом, но прекрасном” (Кефалай..., 1998. С. 215–218, 485). Подобными религиозными категориями и надеждами мотивированы, как мне представляется, и надписи Кок-Сай V и VII. Разрабатывая их прочтение, нельзя не учитывать двух других граффити этого урочища (VIII и IX), содержащих то же слово.

Словосочетание jег jarašim – “лучшее, что во мне есть земного (~бренного)” вполне отвечает как доманихейским воззрениям о земном беспечальном существовании, отраженном в енисейских эпитафиях (Кызласов И.Л., 2001. С. 243; 2003б), так и сменившей язычество доктрине накопления элементов Света как смысла земного бытия верующего-манихея. Важно помнить, что в тюркском манихействе святость отношения к земле продолжала сохраняться (Кызласов И.Л., 1998).

В итоге всего сказанного, надпись V читается и переводится мною следующим образом.

Транскрипция:

(e)g (a)t(i)m s(i)ḡun(a)q j(e)g j(a)g(a)š(i)m[(i)z]

Перевод: Мое имя мужа-эра – Сыгунак. Земная (~бренная) моя (~наша) праведность, (возрастай)!

В анализируемой надписи встречаем еще одну значимую палеографическую примету – облик руны š¹ (13-й в надписи) характерен именно для таласского алфавита.

Надпись Кок-Сай VI

По изданию (рис. 1, б) знаки выглядят сомнительно. Прочие надписи долины горизонтальны, а эти руны составляют вертикальную строку. Нижнее начертание подобно енисейскому (не таласскому) мягкорядному b², а последующее – твердорядному o/u, т.е. руны не составляют одного слова

Удивительно, что строка обращена основанием букв направо, значит, написана была слева направо. Не может принадлежать тексту вертикальная борозда, соединяющая знаки слева. Взятые порознь все эти неувязки могут быть несущественны, но, соединяясь воедино, они заставляют до нового изучения подлинника воздержаться от отнесения его к памятникам письменности.

Надпись Кок-Сай VII

На камне читается: (e)г (a)t(i)m s(i)ʏn(a)q {a} j(a)г(a)š(i)m(i)z – “Мое имя эра – Сыгунак. Моя (~наша) праведность, (возрастай)!”.

Первую фразу текста (рис. 1, 7) комментировать уже не нужно (см. разбор надписи I). Она завершается лишенным фонетического значения словоразделительным знаком в виде руны а/ä (в строке он 9-й по порядку). К прочтению и переводу второй части текста см. разбор надписи V.

Надпись Кок-Сай VIII

Пять хорошо сохранившихся и ясно переданных на прорисовке рун j¹r¹š¹mz (рис. 1, 8) неверно читать как j(a)г(i)š(i)m(i)z и невозможно переводить как “наш Ярыш” не только по причинам, приведенным в комментарии к надписи V. Сравнение с другими наскальными надписями показывает: когда речь в них идет о “нашем” (аффикс -imiz), то имеется в виду все брэнное человечество. Приведу уже упоминавшуюся двухстрочную надпись на скале Городовая стена на Енисее: (1) (a)lp sol in (a)lʏ(i)p ab(a)dʏa t(ä)ηri (a)na kem q(a)tun q(a)b(i)š(i)p jeg (a)šiy qilur biz (a)t j(i)г b(i)z (2) b(a)j b(a)г (e)t(i)t(i)m – “(1) (Я-) Алп Сол. Когда положен предел греховному (букв. низкому) и Небо (~Бог) и Мать Кем-река (т.е. Енисей) соединяются в благоустроенности, мы (все) приносим благую пользу и достигаем чинов. (2) (Так) (и) я стал богат”. По-видимому, подобную гармонию – красоту и праведность (jaraš) – призывал в мир сынов человеческих автор камнеписной молитвы у хребта Укек.

Основы такого единого восприятия человечества и соответствующей объединяющей словесной формулы (“мы”, “наше”) коренились в манихейской идеологии и воплощались в обязательных покаянных коллективных молитвах верующих. Один из наиболее известных в тюркологии текстов такой общинной молитвы – “Хуастуанифт” – сохранился в нескольких списках, найденных в оазисах Восточного Туркестана. Каждый из его 16 разделов состоит из перечня “наших прегрешений” и завершается рефреном: “мы молим: прости наши согрешения” (Дмитриева, 1963).

Исходя из сказанного, получаем соответствующее прочтение и перевод нашей надписи.

Транскрипция: j(a)г(a)š(i)m(i)z

Перевод: Наша (т.е. общая, земная, человеческая) праведность (возрастай)!

Надпись Кок-Сай IX

Строка во всем подобна предыдущей, но, судя по прорисовке, могла иметь дополнительную шестую руну – не читающийся знак окончания текста (рис. 1, 9). Облик букв, отличающийся лишь большей курсивностью начертания 5-ой руны (z), позволяет думать, что они нанесены на камень той же рукою, что и надпись VIII.

Транскрипция: j(a)г(a)š(i)m(i)z {a}

Перевод: Наша (т.е. общая, земная, человеческая) праведность (возрастай)!

Общие выводы

Исследование надписей Кок-Сай I–V и VII–IX приводит к ряду общих наблюдений и выводов. Палеографические их особенности указывают на принадлежность к таласской рунической письменности. Уже одно это обстоятельство ставит открытие кыргызских археологов в разряд важных тюркологических событий последнего времени, поскольку до сих пор памятников этого самобытного тюркского письма известно чрезвычайно мало (исключая недостоверные граффити и памятники иных алфавитов (ДТС, 1969. С. XXIX, XXX; Васильев, 1983. С. 38–41; Джумагулов, 1987. С. 8–14), надписям долины можно присвоить индексы Т XV–Т XXIII). Особенно значима принадлежность новых граффити к разряду наскальных надписей – текстов предельно лаконичных (и потому особенно трудных для прочтения и толкования), но напрямую никак не связанных с назначением и содержанием эпитафий. Этот источник раскрывает для нас новые сферы духовной жизни и культуры предков, совершенно скрытые или чрезвычайно скупо освещаемые иными свидетельствами.

Орфографические особенности кок-сайских строк, прежде всего, применение в них руны а/ä в качестве словоразделительной и завершающей текст отметки, имеют значение, выходящее за рамки правописания. При сравнении с прочими таласскими надписями и текстами алтайского варианта енисейского письма они дополняют новыми данными доводы относительно позднего появления памятников таласского алфавита (Кызласов Л.Р., 1965. С. 44. Прим. 34; Кормушин, 1975. С. 44, 45; Кызласов И.Л., 1994. С. 57–59, 98–100, 214; 1995. С. 143–145). Отражающие следующую за алтайскими надписями стадию в разграниченном использовании руны а/ä, надписи Кок-Сая следует относить к IX–X вв. и связывать с карлукским обществом.

Шесть из восьми достоверных надписей урочище (I–V, VII) созданы одним человеком, имя которого указано: Сыгунак (Мараленок). Следует особо отметить, что имя писавшего лишено титула, хотя принадлежность его к сословию эров оговорена специально. Многократность одного имени, вырезанного в одной местности, мы встречаем среди надписей на горе Ялбак-Таш на Гор-

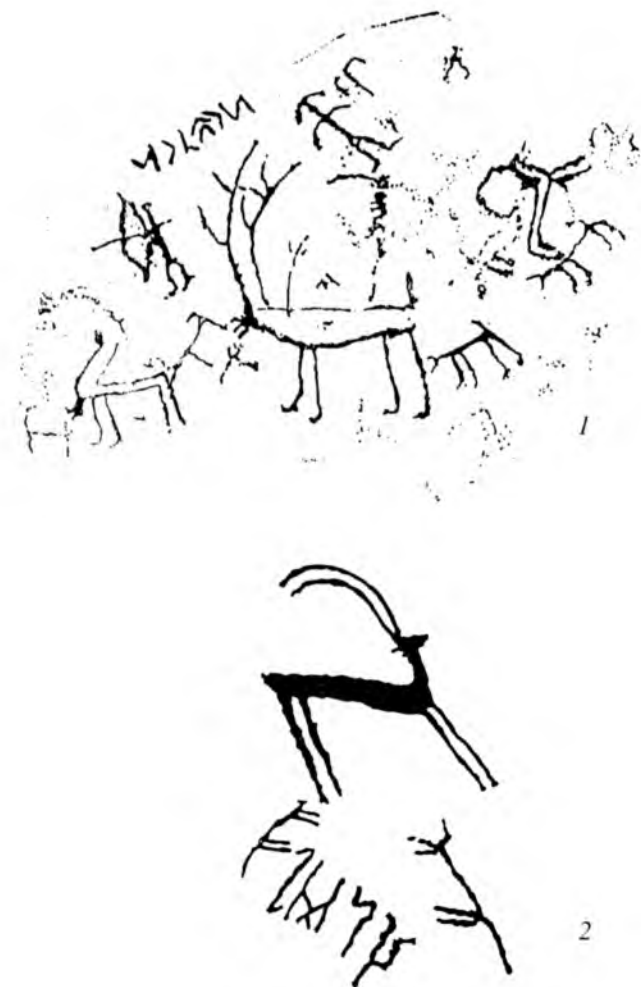

Рис. 2. Надписи ущелья Куру-Байкайыр. По Ч. Джумагулову. Без масштаба.

ном Алтае, где имя (e)l j(e)g(ä)n «Греховный Йеген (букв. “племянник”)» встречено в строках III и XIII. Причем в надписи Ялбак-Таш XIII оговорено, что это имя мужа-эра (Кызласов И.Л., 2003а). На камнях урочища Шарбулак в Северо-Западной Монголии титулованное имя (a)j-*çog* было высечено трижды (Кызласов И.Л., 1999. С. 100).

Эти же надписи Кок-Сая (кроме III) сопровождаются одинаковой тамгою. Однако прямо связывать ее с руническими текстами и считать геральдическим знаком писавшего пока мешают два обстоятельства. Во-первых, по взаимному размещению тамги и надписи V (рис. 1, 5), можно предположить, что знак появился на камне ранее текста. Такому заключению не противоречат и особенности расположения этих элементов на прочих эпиграфических памятниках (I, II, IV и VII). Во-вторых, сомнения порождает смена направления тамги от текста к тексту: у строк I, IV и V она повернута налево, а у надписей II и VII – направо. Ориентация тамги дважды противоречит направлению письма и, тем самым, указывает на иную, чем у писца, позицию,

занимаемую у камня создателем геральдического знака. На фотоснимке надписи IV (Кляшторный, 2002. Рис. 4) видно, что тамга высечена в иной манере, чем буквы – более плотной и мелкой точечной выбивкой. Эти особенности отражены и на прорисовке археологов (рис. 1, 4) (ср. также прорисовку надписи I – рис. 1, 1). Для разрешения вопроса необходимо дополнительное обследование и сопоставление следов инструментов, которыми нанесены на камни урочища тамги и надписи.

Сегодня можно указать близкую аналогию тамговому знаку Кок-Сая. Ее составляет один из двух лично-семейных знаков, в IX в. вырезанных на донце серебряного сосуда с енисейскими руническими надписями, найденного в 1935 г. в кургане 3 могильника Туяхта на Горном Алтае (Кызласов И.Л., 2000. С. 83–85, 88–90. Рис. 1, 4). Учитывая закономерности видоизменения по поколениям раннесредневековых геральдических знаков тюркских народов (Кызласов Л.Р., 1960; 1965), можно заключить, что кок-сайская тамга, отличающаяся от туяхтинской лишь одним графическим элементом, позднее алтайской и представляет ее сыновнюю стадию.

Для исторического объяснения важно понять, высечены ли надписи VIII и IX тем же автором, что и граффити Сыгунака. Сходство составляющих их знаков позволяет думать, что это так. Показательно, пожалуй, начертание руны *m*, у которой всюду (кроме надписи VII) правый нижний отводок короче верхнего (если эта особенность не вызвана повреждениями валунов, см. фотоснимок надписи V – Кляшторный, 2002. Рис. 6). Подтвердись палеографическое сходство анализом следов примененного инструмента – выводы были бы несомненными. Пока их поддерживает содержательное и лексическое единство строк V, VII, VIII, IX. Скорее всего, сказанное означает, что муж-эр Сыгунак был манихейским проповедником. Это обстоятельство одновременно объясняет его грамотность, заметные навыки курсивного письма (облик рун *s*¹ во всех случаях и *z* в тексте IX), право наносить молитвенные отметки не только от своего (надписи I–V, VII), но и от коллективного имени религиозной общины (строки VIII, IX).

Придя к такому выводу, следует отказаться от прямой связи надписей с изображением конного охотника, выбитого на двух камнях с рунами (рис. 1, 2, 3) и в третий раз – отдельно (рис. 1, 10). Манихейские праведники, отвергая всякое убийство, не могли заниматься охотой. Вполне очевидно, что надписи III и, вероятно, II, действительно, выбиты позднее изображений. На камне II и тамга нанесена позднее петроглифов. Типологические соответствия изучаемой ситуации можно видеть на енисейских наскальных надписях Южной Сибири и Монголии, которые обычно нанесены на те скалы и камни, где уже существовали изображения (в том числе и раннесредневековые, оставленные тюрк-

скими народами в VIII в.) (Кызласов И.Л., 1994. С. 292–299. Рис. 18, 2, 21, 22, 25; 2003а. С. 98). Письменные формы поклонения, появившиеся с приходом манихейства, сменили обрядовые рисунки на скалах (Кызласов И.Л., 2003б. С. 48, 49)⁶. Сходную картину более позднего, чем рисунки, появления на скалах надписей наблюдаем и в ущелье Куру-Бакайыр в Кыргызстане (рис. 2, 1, 2).

Настойчивое повторение одного и того же термина *jaḡaš* и его связь как с личными, так и общечеловеческими земными качествами, наблюдаемые в надписях V, VII–IX урочища Кок-Сай, позволяют думать, что мы встречаем здесь одно из основных понятий тюркского манихейства, распространенное в областях таласского письма в IX–X вв. Восемь вновь открытых и прочитанных здесь рунических надписей Кочкорской долины, взятые в целом, позволяют заключить, что в этих местах в IX–X вв. существовала тюркоязычная манихейская община. Ее члены пользовались таласским руническим письмом.

2. Надписи ущелья Куру-Бакайыр

Ущелье р. Куру-Бакайыр (притока р. Суулуу-Бакайыр) находится в горах Таласского Ала-Тоо в западной части Таласской долины. Наскальные рисунки и первые письменные памятники (руническая и согдийская надписи) были здесь обнаружены геологом Л. Поповым и в 1981 г. обследованы И.К. Кожомбердиевым и Ч. Джумагуловым. Тщательно обследуя каменные поверхности, языковед сумел обнаружить у подножия той же скалы вторую руническую надпись. Оба лаконичных текста были вырезаны на юго-восточных обнажениях и, судя по размещению, позднее соседних петроглифов. Уже в 1983, а затем и в 1987 гг. подробные описания, графические и фотографические воспроизведения надписей, их прочтение и переводы были изданы (Джумагулов, Кожомбердиев, 1983; Джумагулов, Кляшторный, 1983. С. 78–81. Рис. 1, 2. Фото 2, 3; Джумагулов, 1987. С. 30–34. Рис. 5, 6, 8, 9). Даю новое прочтение и перевод обеих рунических надписей.

Надпись Куру-Бакайыр I

Предложенное предшественниками прочтение (*qutčor* – “Кутчор”) поначалу выглядит вполне удачным: оба компонента титулованного имени хорошо известны среди антропонимов раннего средневековья. Однако ради такого прочтения первый знак надписи произвольно выдается тюркологами за зеркально развернутую руну *q*. Начальную букву надписи предпочтительнее и вполне возможно читать так, как она вырезана (рис. 2, 1), т.е. как знак *ḡ*¹. Ширина его начертания отличает таласское письмо.

Транскрипция: (a)ḡut čor

⁶ Сказанное не означает, что на скалы вообще не наносились манихейские изображения, см., например, рисунок сатаны: (Кызласов Л.Р., 1999. С. 37. Рис. 11).

Перевод: (Я–) Арут-чор. (Боже, услышь меня).

Слово *agut*, в нашем случае ставшее личным мужским именем, согласно материалам Махмуда Кашгарского, применялось для обозначения высушенной прошлогодней травы (ДТС, 1969. С. 58). Более распространенный фонетический вариант этого слова – *ugut*. Его смысл также “сухой, выгоревший”. Помимо прямого значения термин определял и вид волос (ДТС, 1969. С. 616). Именно в этой роли интересующее нас слово пригодно для личного имени. Вероятно, его получил светлоголовый человек (ср. с надписью Куру-Бакайыр II). Носимый им титул *čor/čur*, также известен как мужское имя (ДТС, 1969. С. 157). Подобно всем наскальным надписям, содержащим личное имя, этот краткий текст свидетельствует о совершенной здесь молитве.

Надпись Куру-Бакайыр II

Характерный облик первой и третьей букв граффито принадлежит к таласскому письму (рис. 2, 2). Четыре буквы этой надписи были прочитаны предшественниками в качестве имени собственного: *š(a)ḡa*. Однако объяснить его оказалось сложно – лишь как «один из достаточно редких случаев передачи тюркским руническим письмом согдийского слова... ‘лев’», которое “точно калькирует столь распространенное в карлукско-караханидской среде имя-титул *arslan*” (Джумагулов, Кляшторный, 1983. С. 81; Джумагулов, 1987. С. 34). Причины чужеродного заимствования ради передачи широко применявшегося собственно тюркского имени остались без объяснений.

Необходимость столь сложных построений отпадает полностью, если при чтении следовать известным орфографическим нормам таласской письменности. Первая (правая) руна обычно передает в ней не *š*¹, а *s*¹, последний же знак строки, как мы видели, и в эпитафийных, и в наскальных надписях играет роль завершающей отметки и не несет звукового значения. Эти обстоятельства позволяют читать изучаемую надпись иначе, чем предлагалось тюркологами.

Транскрипция: *s(a)ḡ(ḡ)ḡ {a}*

Перевод: (Я–) Сарыг. (Боже, услышь меня).

Слово *saḡḡ* буквально означает “желтый, бледный”. В раннем средневековье оно нередко использовалось в качестве личного имени или служило частью составных мужских имен (ДТС, 1969. С. 488).

3. Надписи ущелья Терек-Сай

Рунические строки, высеченные на скале в этом ущелье, были обнаружены в 1897 г. В.А. Каллауром⁷. Тогда речь шла о двух строках из пяти

⁷ В одной из публикаций Ч. Джумагулова (1987. С. 10) указан 1898 г., вопреки им же приведенным отсылкам и изданному ранее (1982. С. 23, 24) подробному изложению истории изучения надписей.

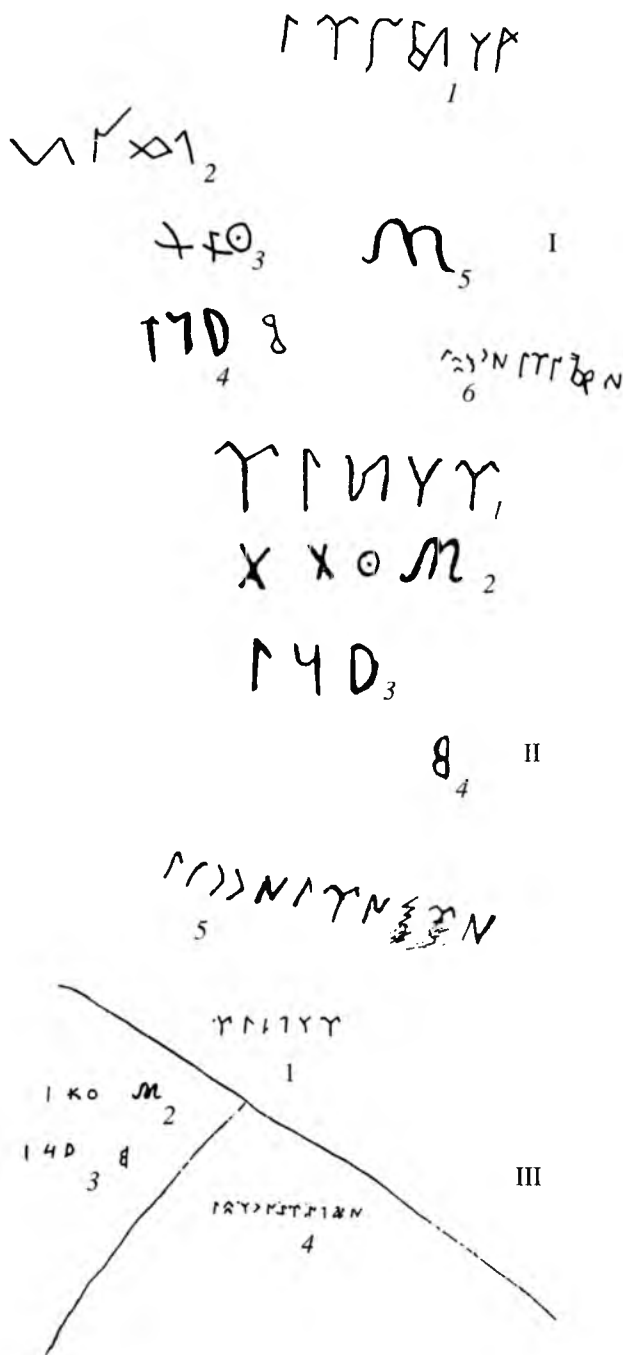

Рис. 3. Надписи ущелья Терек-Сай: I – по С. Сыдыкову, II – по Ч. Джумагулову, 1961 г., III – по Ч. Джумагулову, 1987 г. Без масштаба.

и четырех букв каждая. В 1930 г. М.Е. Массон заметил там пять строк, выполненных тремя разными почерками; одна из надписей состояла из 11 или 12 знаков (1936. С. 7, 8, 12). Через полстолетия появилось сообщение о шестой краткой надписи, найденной выше по ущелью (Джумагулов, 1982. С. 19. Табл. IV, 2). Разобрать эти надписи пытался С.Е. Малов (1936. С. 27, 28) и Ч. Джумагулов (1963. С. 32; 1982. С. 17, 18, 23–28. Табл. IV, 1; 1987. С. 10),

публиковались также воспроизведения С. Сыдыкова (1964. С. 103, 106; Батманов, 1971. С. 16, 17). Однако с конца XIX в. при изучении этих высоко расположенных граффити никто не пользовался лестницей, точных копий так и не было получено и все изданные зарисовки отличаются друг от друга (рис. 3). Даже число строк и их нумерация менялись от автора к автору. До серьезного исследования подлинников нет никакой возможности оценить и прочесть эти надписи.

Ныне, после изучения серии надписей из урочища Кок-Сай, полагаю возможным обратить внимание специалистов лишь на одну строку из трех букв, которую С.Е. Малов издал под номером IV. Она воспроизведена всеми изучавшими памятник тюркологами без серьезных отличий (рис. 3, I, 4, II, 3, III, 3): два первых знака не внушают сомнений, лишь вершина третьей буквы была воспринята по-разному (С.Е. Малов в наборном шрифте передал ее подобно рис. 3, II, 3). По моему мнению, в надписи Терек-Сай IV (Г 6/4) можно опознать $j^1r^1s^1$, т.е. слово $j(a)r(a)s$ “приятность, красота, лучшее в человеке”, четырежды встреченное нами на валунах Кочкорской долины, т.е. бывшее распространенным понятием у местных грамотеев раннего средневековья. Если исследование оригинала подтвердит предложенную транслитерацию, рунические надписи этого ущелья пополнят перечень манихейских наскальных отметок IX–X вв., выполненных таласским письмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батманов И.А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971.
- Борзояков М.И. Об одной особенности сагайского диалекта хакасского языка // Уч. зап. Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. VIII. Абакан, 1960.
- Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983.
- Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 1. Фрунзе. 1963.
- Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. Фрунзе. 1982.
- Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. Фрунзе. 1987.
- Джумагулов Ч.Д., Кляшторный С.Г. Наскальная древнетюркская эпиграфика в Таласском Ала-Тоо // Советская тюркология. 1983. № 3.
- Джумагулов Ч., Кожомбердиев И.К. Надписи и петроглифы ущелья Куру-Бакайыр // АО-1981. 1983.
- Дмитриева Л.В. Хуастунифт (введение, текст, перевод) // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.
- ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л., 1969.
- Кефалайя (“Главы”). Коптский манихейский трактат / Пер. с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. М., 1998.
- Кляшторный С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане //

- Изв. Национальной АН Кыргызской Республики. 2001а. № 1–2.
- Кляшторный С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Археологические вести. 2001б. № 8.
- Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Суяб, Ак-Бешим. СПб., 2002.
- Кормушин И.В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология. 1975. № 2.
- Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
- Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Кызласов И.Л. Рунические алфавиты Средней Азии // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995.
- Кызласов И.Л. Священная земля тюрков по руническим надписям // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тез. докл. М., 1998.
- Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. 1999. № 4.
- Кызласов И.Л. Фыркальская руническая надпись и ее тамга // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. IV. Абакан, 2000.
- Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001.
- Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М., 2003а.
- Кызласов И.Л. Роль религии в развитии письменности: енисейские рунические надписи // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003б.
- Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3.
- Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3.
- Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Открытие государственной религии древних хакасов (Тр. Хакасской археологической экспедиции. 6). М.; Абакан, 1999.
- Малов С.Е. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас // Изв. АН СССР. VII серия. Отд. гуманитарных наук. Л., 1929. № 10.
- Малов С.Е. Таласские эпиграфические памятники // Материалы Узкомстариса. М.; Л., 1936. Вып. 6–7.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
- Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952.
- Массон М.Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // Материалы Узкомстариса. М.; Л., 1936. Вып. 6–7.
- Мелиоранский П.М. По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде // ЗВОРАО. СПб., 1899. Т. XI.
- Радлов В.В. Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном на урочище Аиртам-ой в Кенкольской волости Аулиеатинского уезда // ЗВОРАО. СПб., 1899. Т. XI.
- Сыдыков С. Древние надписи в ущельях Кулан-Сай и Терек-Сай // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964.
- Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи в Кочкорской долине // Мээрим. Бишкек, 1998. № 2.
- Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи Кочкорской долины // Изв. Национальной АН Кыргызской Республики. 2001. № 1–2.
- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л, М, Н, П, С. М., 2003.
- Tabaldiyev K.Sh., Soltobaev O.A. Petroglyphs with Runic Inscriptions in the Kochkor Valley, Central Tianshan // Silk Road Studies. Tokyo, 2002. № 3.

The Talas rock Inscriptions

I. L. Kyzlasov

Summary

New deciphering of 11 rock inscriptions made in Talas runic writing is presented. Having compared them with the other runic rock inscriptions from the territory of Asia, the author identifies them as Manichean praying formulas of the 9th–10th cc. Evidently, the inscriptions were performed by the Karluks. The inscriptions run as follows: Kok-Sai I (Fig. 1, 1) – (e)r (a)t(i)m s(i)γun(a)q {a} “My name of er-man – Sygunak. (God, listen to me)”; Kok-Sai II (Fig. 1, 2) – (e)r (a)t(i)m [s(i)γun(a)]q {a} “My name of er-man – [Syguna]k. (God, listen to me)”; Kok-Sai III (Fig. 1, 3) – (e)r (a)t(i)m s(i)γun(a)q {a} “My name of er-man – Sygunak. (God, listen to me)”; Kok-Sai IV (Fig. 1, 4) – (lime 1) munda ilg(ä)rü... “There ahead (i.e. in the east)...” (or “From here ahead (~eastward)...”), (line 2) (e)r (a)t(i)m s(i)γun(a)q {a} “My name of er-man – Sygunak”; Kok-Sai V (Fig. 1, 5) – (e)r (a)t(i)m s(i)γun(a)q j(e)r j(a)r(a)š(i)m[(i)z] “My name of er-man – Sygunak. Earthly (~perishable) my (~our) righteousness, (increase)!”; Kok-Sai VI (Fig. 1, 6) probably is not an inscription; Kok-Sai VII (Fig. 1, 7) – (e)r (a)t(i)m s(i)γun(a)q {a} j(a)r(a)š(i)m[(i)z] “My name of er – Sygunak. My (~our) righteousness, (increase)!”; Kok-Sai VIII (Fig. 1, 8) – j(a)r(a)š(i)m(i)z “Our (i.e. common, earthly, human) righteousness (increase)!”; Kok-Sai IX (Fig. 1, 9) – j(a)r(a)š(i)m(i)z {a} “Our (i.e. common, earthly, human) righteousness (increase)!”; Kuru-Bakaiyr I (Fig. 2, 1) – (a)rut čor “(I–) Arut-chor (personal name and title). (God, listen to me)”; Kuru-Bakaiyr II (Fig. 2, 2) – s(a)r(i)γ {a} “(I–) Saryg (personal name). (God, listen to me)”; Terek-Sai IV (Fig. 3, I, 4, II, 3, III, 3) – j(a)r(a)š “Pleasure (~beauty, human’s best), righteousness”.